

Горбань А.В. УДК 141.7: 316.3

СТРАТЕГИИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)

На рубеже XX-XXI вв. достаточно очевидно, что противоречия между нарастающими потребностями общества и сравнительно ограниченными возможностями биосферы ставят под угрозу будущее существование человека. Проблемы дальнейшего безопасного развития вышли на авансцену научного поиска и общественного сознания в целом. На повестку дня ставятся вопросы о переходе к новому этапу цивилизационного развития, основывающемся на радикальном изменении ценностей и целей современного общества, а также векторности и содержательности различных сфер человеческой деятельности. Идеологической основой выхода человечества на качественно новый этап общественного развития может стать концепция устойчивого развития.

Данной проблеме посвящен достаточно большой комплекс исследований в различных, прежде всего естественных, науках. В меньшей степени концепция устойчивого развития исследована как теория общественного развития. В этом контексте наиболее разработанной является политологический аспект проблемы, чему посвящены работы зарубежных и отечественных ученых, общественных и политических деятелей Аурелио Печчеи, Г.-Х. Брундландт, Агафонова Н.Т., Ислаева Р.А., Горшкова В.Г., Дрейера О.К., Лосева В.А., Билоруса О.Г., Зубакова В.А., Данилова-Данильяна В.И. Вместе с тем, значительный интерес представляет разработка социально-философского основания устойчивого развития как теории общественного прогресса цивилизации. Здесь следует отметить разработки отечественных ученых Урсула А.Д., Моисеева Н.Н., Андрущенко В.Н., Кременя В.Г., Дробнохода Н.И.

Исследование степени разработанности проблемы позволяет выделить во всем комплексе существующих проектов устойчивого развития двух основополагающих Стратегий реализации данной концепции. Анализ Стратегии I и Стратегии II Проекта устойчивого развития является целью данной статьи.

Стратегия I в наиболее обобщенном виде представлена в провозглашенном в 1987 году Докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее». В этом документе сформулированы основные предпосылки достижения состояния устойчивого развития: политическая система, способная обеспечивать участие широких слоев общественности в принятии решений; экономическая система, которая могла бы обеспечивать расширенное производство и технический прогресс на собственной базе; социальная система, способная обеспечить снятие напряженности, возникающей в условиях негармонического экономического развития; система эффективного производства, сориентированного на сохранение эколого-ресурсной базы; технологическая система, которая могла бы стимулировать постоянный поиск новых решений; международная система, содействующая устойчивости торговых и финансовых связей; гибкая и способная к самокорректировке административная система [1].

Несомненно, что такой широкий диапазон представленных условий для трансформации общественного бытия является достаточно масштабным процессом и будет востребован на пути к устойчивому развитию. Но как это реально воплотить в жизнь? «Драматизм ситуации состоит в том, - пишут Н.Н.Киселев и Ф.М.Канак, - что, несмотря на все усилия мировой науки мы еще не имеем готовых моделей устойчивого развития общества. И сегодня еще хозяйственную деятельность осуществляют во всем мире за счет природы и будущих поколений» [2].

Изменить в корне ситуацию тем более сложно, что, по мнению У.Д.Рукельхауза, человечество должно решить беспрецедентную задачу, противоречащую самой природе биологического организма – отказаться от потребительского природопользования [3].

Для четкой разработки Стратегии, указывают О.К.Дрейер и В.А.Лось, необходимо выделить систему интегрирующих элементов устойчивого развития. Во-первых, осознание необходимости сохранения исторически сложившейся среды обитания и природно-ресурсного потенциала биосферы как безусловного фактора выживания человечества. Во-вторых, провозглашение «антивозрастающих тенденций», согласно которых «рост» понимается не столько как качественное увеличение товаров и услуг, а как качественное разнообразие бытия. В-третьих, постулирование тезиса о необходимости создания условий для справедливого распределения мирового природно-ресурсного потенциала между «богатыми» и «бедными» странами [4]. Таким образом, по сути, речь идет о реализации стратегии биосферосовместимой деятельности.

Предлагаемые проекты являются фактически официальной Стратегией достижения человечеством устойчивого развития, поддержанной всеми странами-участницами Конференции «Рио-92». И хотя приоритетность этих направлений далеко не бесспорна, их положения являются определяющими при формировании национальных стратегий устойчивого развития.

На самом же деле, предложенная в ходе мировых саммитов «Рио-92» (Бразилия, 1992), «Рио + 5» (Киото, Япония, 1997) и «Рио + 10» (Йоханнесбург, ЮАР, 2002) официальная Стратегия I достижения устойчивого развития, представляет собой утопию, поскольку предложенный Проект устойчивого развития являет собой не что иное, как трансформированные (или закамуфлированные) идеи и ценности индустриально развитого мира, общества «золотого миллиарда». Индустриальный мир удовлетворяет

устойчивость существующих реалий, ибо, осуществив переход на новые технологии, этот мир надеется определенным образом решить свои эколого-экономические проблемы. Поэтому и решения, принимаемые на саммитах, носят декларативный, рекомендательный, а не обязательный характер. В противном случае большинство стран выразит несогласие с такой моделью общественного устройства и Стратегией его устойчивого развития.

Возведение во главу угла экономических показателей, даже в их сочетании с социальными и природоохранными мероприятиями, неизменно приведет к возникновению региональных и национальных противоречий и, в конечном итоге, краху Стратегии I. Изначально невыполнимый, утопический характер Стратегии I, позволяет нам говорить о необходимости осуществления устойчивого развития в соответствии с иными методологическими постулатами и принципами, выступающими основанием для Стратегии II.

Исходным постулатом Стратегии II является несколько иное содержание, вкладываемое в расшифровку понятия «устойчивое развитие» - наиболее употребимого русскоязычного перевода термина «sustainable development».

Как правило, под устойчивым развитием понимается такое развитие общества в экономической, политической, социальной и экологической сферах, которое, удовлетворяя потребности нынешних поколений людей, гарантировало бы высокое качество уровня жизни будущих поколений [5].

На наш взгляд, такое, принятое международным сообществом определение, не отражает в достаточной мере механизм реализации задекларированных идей. Уже в Национальной программе по реализации идей устойчивости указывается в виде одной из главных целей на необходимость достижения высокого уровня общественного восприятия пропагандируемой концепции [6]. Поэтому, реальная Стратегия устойчивого развития должна исходить из принципа первичности сознательного отношения общества к идее устойчивости.

Современная доминирующая социальная парадигма возникла в недрах западноевропейской культурной традиции и в настоящее время распространилась глобально. К. Ясперс охарактеризовал процесс внедрения этой системы взглядов как «наиболее глубокий надлом, когда-либо известный Западу; однако поскольку он создан самим Западом в его духовном развитии, здесь он находится в континууме мира, к которому принадлежит. Ко всем другим культурам этот надлом приходит извне как катастрофа» [7].

Многочисленные попытки «экомодернизации» технократической социальной парадигмы, предпринимаемые с целью внедрения идей о самоценности природы, наличии границ устойчивости биосферы и неприемлемости любых видов техногенных рисков, к сожалению, оказывались неэффективными.

Таким образом, созданный человечеством определенный тип материального бытия нуждается в существенной корректировке, что подразумевает собой коренную трансформацию господствующего технократического мировоззрения. Доминантой новой социальной парадигмы становится экологизация духовного бытия человека, формирование принципиально нового миропонимания с привлечением средств и методов образовательно-воспитательного процесса.

Поэтому, важно понять, что концепция устойчивого развития - это теория эволюционного развития цивилизации, мировоззренческой основой которой является система экологических ценностей и норм, сформированных на принципах и методах парадигмы опережающего образования.

Антропоцентрическая система ценностей глубоко укоренилась в общественном сознании, так как она формировалась на протяжении всей истории человечества. Необходимость отказа от парадигмы человеческой исключительности, осознание самоценности природного мира вне зависимости от его полезности, не всегда является очевидным для восприятия на уровне здравого смысла, и люди оказываются неспособными от нее отказаться. Поэтому, экологический кризис – это, прежде всего, «кризис в головах» [8]. Его преодоление требует нового мировосприятия, нового типа экологического сознания, внедрения новой системы ценностей, что может быть сформулировано в виде «новой эколого-гуманистической парадигмы» [9].

Здесь мы вступаем в конфликт с гуманистической традицией Запада, зародившейся в эпоху Возрождения. В 1487 году в «Речи о достоинстве человека» итальянский философ-гуманист Джованни Пико делла Мирандола словами Бога, обращенными к первочеловеку, сформулировал мысль, ставшую кредом ренессансного миропонимания: «Я ставлю тебя в центр мира..., чтобы ты сам, свободный мастер, сформировал себя» [10]. «Человек в центре мира, а в центре человеческого бытия – его свобода», - таков лейтмотив классического гуманистического мировоззрения.

На протяжении столетий формирующийся новоевропейский гуманизм утверждал себя как рефлектированный антропоцентризм, который исходит из человеческого сознания и имеет своим объектом ценность человека. Раскрывая сущность человеческого бытия как свободу, неогуманизм достиг своей высшей точки в экзистенциализме. В середине XX века Жан Поль Сартр провозгласил, что человек «обречен» на свободу, проявляющуюся в самотворческой природе человеческого способа бытия [11]. Но если человеческое бытие – это бытие свободы, то возникает вопрос: является ли свобода только лишь человеческим достоянием или же она имеет какой-то эквивалент в сфере бытия вообще?

Еще Эпикур, наблюдая желание человека избегать жизненных ситуаций, приносящих страдание, сделал вывод о том, что и всему остальному миру присуща способность самопроизвольного отклонения от прямолинейного движения [12]. Однако, бурное развитие научного познания в Новое время, утверждение

принципов лапласовского механистического детерминизма, опровергали это представление. Если относительно человеческого бытия вопрос о «самопроизвольности» все же оставался актуальным, то самопроизвольность внечеловеческого бытия однозначно опровергалась.

В своем романе «Тошнота» Ж.П. Сартр открыто противопоставляет два мира: мир человеческой свободы, активности и мир природы, материи, всего материального [13]. Материальный мир показан как состоящий не столько из вещей, сколько из веществ – аморфных, неопределенных, липких субстанций. Материя не творит, а лишь поглощает, прежде всего, человека с его творческой сущностью. Эту же функцию несет в себе все, что есть природное в человеке, в частности его тело. «Довериться» чему-то природному значит самораствориться в лишенной форм безличностной стихии «антитворческого» [14]. Поэтому творческая деятельность человека не есть продукт первой или второй природы, т.е. культуры. Человеческая свобода является чем-то «растискивающим» не только бесстрастного, но и враждебного к ней бытия [15]. Окружающий мир встает перед человеком совершенно лишенный всякого смысла, неким огромным абсурдным созданием, царством несвободы, постоянно угрожающим творческой активности человека [16].

Справедливости ради следует отметить, что противопоставление свободы и природы у Сартра вовсе не такое абсолютное, как это может показаться на первый взгляд. Бытие у него представлено в виде непрерывно обновляющихся, бесконечно снующих перед взором человека «существований» [17]. Экзистенциального человека беспокоит вопрос: зачем так много «существований», если они похожи друг на друга? Однако, возможно это только так кажется с позиции человеческой системы координат. Может быть, проявления человеческой свободы и творчества для каких-то иных существ тоже кажутся одинаковыми? Такой вопрос, о соотношении творческой активности человеческого бытия с существованием бытия вообще, поднял Эрих Фромм. Человек у него – природное существо, как бы выпавшее из природы. Оно вынуждено покинуть старое, надежное, хорошо знакомое состояние ради нового, которым еще должно овладеть [18]. Если бы ребенок в момент отрезания пуповины мог мыслить, его обязательно бы охватил смертельный ужас. Поэтому человек всегда находится в плену двух противодействующих тенденций: с одной стороны выбраться из материнского лона, из защищенности (но не свободы) на свободу, или, с другой стороны, вернуться назад к природе, к безопасному состоянию. Эта необходимость поиска новых решений противоречивости собственного существования является источником всех психических сил, побуждающих человека к деятельности, но, одновременно и источником всех его аффектов и страхов [19].

Данное противоречие имеет сущностный характер и свидетельствует о том, что вычленение человека из природы – это процесс, который не осуществляется «раз и навсегда» где-то на заре антропосоциогенеза. Это вычленение актуально и проблематично для каждого нового поколения людей, для каждого из представителей этого поколения. Такой процесс является постоянным открытым смысловым противоречием.

Долгое время в человеческом мироотношении преобладала первая из названных тенденций. Ведь только благодаря ей был возможен прогресс. Результатом этого стало властное отношение человека к природе, воплощенное на сегодня в мощном глобальном давлении на окружающую среду. Причем нередко это давление подчиняется не элементарным антропоморфным потребностям, а «логике азарта». Когда целью отношения к миру является борьба за власть над миром, очень тяжело увидеть ту грань, за которой такая борьба становится самоцелью.

Парадоксальность ситуации в том, что в ней четко просматривается ущербность гуманистических лозунгов, прикрывающих стремление к власти. Сколько бы ни говорили, что человек является высшей целью такой борьбы за власть, он все равно остается всего лишь ее средством.

В работе «Европейский нигилизм» Мартин Хайдеггер писал, что возможен даже идеал высшего и неограниченного саморазвития всех сил человечества ради безусловного господства над природой [20]. Разноликим является «обязывающий закон», регулирующий такую направленность отношения человека к окружающему миру. Это может быть человеческий разум и его установки (Просвещение), устроенная и упорядоченная в соответствии с нормативами фактическая действительность (позитивизм), гармонически упорядоченное, воспитанное прекрасным идеалом человечество (классический гуманизм), наконец, мощный расцвет нации, опирающейся на саму себя (национализм) или на союз «пролетариев всех стран» (коммунизм). Основанием везде выступает властная потребность человека.

Необходимостью реализации такой потребности было обосновано, по мысли М. Хайдеггера, зарождение в новоевропейской философии идеи «нового человека». В Новое время в Европе начинается формирование «механической экономики» с присущей ей ориентацией на всеобщий машиноподобный расчет каждого действия и планирования. Новая экономика требовала нового человечества, которое было бы в самой своей основе соразмерным уникальному естеству новоевропейской техники, позволяющим ей завладеть собой. Такая техника потребовала специфического человека, готового употребить самого себя как материал для осуществления собственных проектов [21]. Ради безусловного господства на планете человек превратил себя на средство этого властного устремления.

Истоки такой метаморфозы цели и средств человеческой деятельности Ж.П. Сартр видел в соотношении человека и орудий труда. Если сначала человек является тем, кто «определяет», то вскоре все становится наоборот, «определяющая» функция переходит к орудиям труда. М. Хайдеггер иллюстрирует это на примере современного лесника, который ходит теми же тропами, которые

протоптали его отец и дед, однако делает он это совсем по-другому: его поставлено на эти тропы деревообрабатывающей промышленностью. Техника оказывает огромное влияние не только на материально-предметное, но и на духовное освоение мира человеком, в частности, на познание. Она выводит вовлеченные в сферу техногенного влияния фрагменты бытия с «таинственности» и открывает перспективу «истинствования», однако лишь в той мере, в какой эти фрагменты и сам человек, причастный к ним, подчинены «демонизму» техники [22].

Таким образом, в самосознании новоевропейского человека, под влиянием гуманистических идей, сформировался и утвердился гиперактивистский синдром, связанный со склонностью к покорению «всего и вся», тотального реконструирования материального бытия.

Не отвергая в целом завоеваний гуманизма, как господствующей идеологии Нового времени, следует заметить, что на этапе Новейшей истории человечества назрела существенная необходимость его модернизации. Нужна новая Программа гуманизма, где он будет представлен не столько как апологет неограниченного антропоцентризма, сколько как провестник биоцентризма – глобального гуманизма – «очеловечивающего», т.е. возводящего в ранг самоценности на уровне человека, любой другой формы проявления жизни, как способа существования бытия.

Формирование новой мировоззренческой парадигмы невозможно без внедрения соответствующей образовательной модели. Только высокообразованное и высокодуховное общество способно реализовать Стратегию устойчивого развития общества. Посредством соответствующих достижений в образовании человечество должно научиться вырабатывать и использовать информацию, которая бы реально обеспечивала развитие цивилизации на принципах устойчивости.

Источники и литература

1. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). – М.: Прогресс, 1989. – С. 69.
2. Кисельов М.М., Канак Ф.М. Національне буття серед екологічних реалій. – К.: Тандем, 2000. – С. 88.
3. Рукельхаус У.Д. Сбалансированность как глобальная стратегия. // В мире науки. – 1989. - № 11. – С. 110-118.
4. Дрейер О.К., Лось В.А. Экология и устойчивое развитие. - М.: Изд-во УРАО, 1997. – С. 8-10.
5. World Commission on Environment and Development. Our Common Future. – Oxford Univ. Press, Oxford, UK. – 1987. – 383 p.
6. Програма дій з подальшого впровадження “Порядку денного на ХХІ століття”. – К.: “Інтерсфера”, 2000.
7. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С. 303
8. Деребо С.Д., Ясвин В.А. Две модели экологии // Человек. – 1998. - № 1. – С. 34
9. Яницкий О.Н. Энвайронментальная социология вчера и сегодня // Общественные науки и современность. – 1993. - № 2. – С. 76.
10. Мирандола П. Речь о достоинстве человека // Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. – М.: Мысль, 1991. – С. 221.
11. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1990. – С. 319-344.
12. Чаньшев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 74-92.
13. Сартр Ж.П. Тошнота // Сартр Ж.П. Стена. Избранные произведения – М.: Мысль, 1992. – 464 с.
14. Там же. – С. 25.
15. Там же. – С. 33.
16. Там же. – С. 126.
17. Там же. – С. 138.
18. Фромм Э. Пути из больного общества // Проблема человека в западной философии. – М.: Мысль, 1988. – С. 444.
19. Там же. – С. 448.
20. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии. – М.: Мысль 1988. – С. 268.
21. Там же. – С. 285.
22. Там же. – С. 286.